

26. Voigt T. Zwei Formengruppen spätlatènezeitlicher Gürtel // JMV. 1971. В. 55.
 27. Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев: Наук. думка, 1972.
 28. Kostrzewski J. Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit // Mannus-Bibliothek. 1919. № 18—19.
 29. Каспарова К. В. Зарубинецкий могильник Ведемичи II // АСГЭ. 1972. Вып. 14.
 30. Петров В. П. Зарубинецкий могильник (По материалам раскопок В. В. Хвойки) // МИА. 1969. № 70.
 31. Хавлюк П. І. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі // Археологія, 1971. Вип. 4.
 32. Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund. Gurtelteile und Körperschmuck // Offa-Bücher. 1957. В. 13.
 33. Заверняев Ф. М. Почепское селище // МИА. 1969. № 160.
 34. Щукин М. Б. Зарубинецкая культура, янтарный путь и вены // Краткие тез. докл. науч. конф. Отд. истории первобытной культуры «Контакты и взаимодействия древних культур». Л., 1981.
 35. Щукин М. Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. 1972. Вып. 14.
 36. Okulicz J. Powiązania pobreża wschodniego Baltiku i centrum sambijskiego z południem w podkresie wczesnorzymskim // ZNUJ. 1976. T. 422. Prace Archeol. Z. 22.
 37. Kolnik T. Rymski napis z Boldogu // SIA. 1977. R. 25—2.
 38. Collis J. Defended Sites of the Late La Tène // BAR. 1975. Suppl. Ser. 2.
 39. Смирнов К. Ф. Грунтовые могилы албано-сарматского времени у села Карабудахкент // Материалы по археологии Дагестана. Т. 2. Махачкала, 1961.
 40. Раскопки курганов на Зубовском хуторе Кубанской области // ИАК. 1901. Вып. 1.
 41. Гороховский Е. Л. Римские провинциальные фибулы в Северном Причерноморье (хронология и периодизация) // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. и сообщений семинара. Парутино, 1985.
 42. Симоненко А. В. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981.

M. B. Shchukin

FIBULAE OF THE ALEZIA TYPE IN THE MIDDLE DNIEPER AREA
 AND SOME OF THE PROBLEMS OF THE ROMAN-BARBARIAN
 CONTACTS AT THE TURN OF A. D.

Summary

The author publishes three fibulae known from the photographs from V. Petrov's archives who, before the Second World War, collected materials of the Roman time in the Middle Dnieper. Nobody knows where the original fibulae are found. They were popular between 52 and 15 B. C. with Gaulic and Spanish auxiliary of the Roman army from whom barbarians got them. The fibulae might have gotten to the Dnieper basin by one of four ways: (1) during Mark Crassus' march inside the Bastarnae territory in 29 B. C.; (2) through the Sarmatae who in 16 B. C. broke through into the Empire territory; (3) through the population of the Upper and Middle Danube which in the second half of the 1st century B. S. were reconnoitering a new amber route to avoid the territory of the Przeworsk culture; (4) with the westward movement of the Caucasian Sarmatae who, in their turn, got the fibulae when the army of Mithridates of Pergamum was defeated in 46 B. C.

M. В. ФЕХНЕР

БОБРОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ВОЛГО-ОКСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Речной бобр является самым крупным из всего отряда грызунов. Длина его несколько более метра, средний вес составляет 18—20 кг. Этот массивный неуклюжий зверь, неповоротливый на суше, замечательно приспособлен к водной среде, легко и быстро плавает, прекрасно ныряет. Живут бобры предпочтительно по медленно текущим рекам с богатой прибрежной древесной, кустарниковой и водной растительностью, с берегами, приспособленными для рытья земляных нор и сооружения «хаток» из ветвей, ила и земли. Основными их пищей являются побеги и кора мягких лиственных пород — осины, ивы, березы, тополя.

Бобры издавна были объектом охотничьего промысла. Уже в памятниках эпохи неолита, где определен остеологический материал, кости бобра найдены в значительном количестве. Так, в междуречье Оки и Волги на стоянках Владыченская Береговая, Черная Гора, Володары костные остатки бобра составляют от 6,2 до 13,9% общего количества находок. На стоянке Володары, что следует особо подчеркнуть, кости бобра найдены в слое охры ритуальногоклада рядом с горшком и кремневым ножом, а в ритуальном захоронении на той же стоянке находилась булавка, изготовленная из локтевой кости бобра [1; 2, с. 424; 3]. На стоянке Сахтыш I в землянке обнаружен горшок, наполненный черепами бобров, рядом с которым лежал еще один череп с вонзившимся в него гарпуном, а на святилище стоянки Сахтыш II находился полностью сохранившийся скелет бобра [4; 5, с. 84, 85].

Обстоятельства находок бобровых костей на перечисленных стоянках указывают, что бобр для многих неолитических племен являлся не только объектом охоты, дающим много мяса и теплые шкуры, но и почитаемым животным. Об этом свидетельствуют также миниатюрные скульптуры плывущих бобров, места находок большинства которых приходится на бассейн Волги: стоянки Сахтыш I и Панфилово, близ Казани и Пензы. Аналогичные фигурки известны и на территории Прибалтики [6, с. 93, 100, рис. 4,9; 7, с. 104, 106, рис. 1,3; 8, табл. 6, 7, 9].

В этих скульптурах схематично, но четко переданы характерные особенности бобра: относительно небольшая с закругленной мордой голова, маленькие уши, едва выступающие из густой шерсти, короткая мало заметная шея, широкие короткие лапы и плоский лопатообразный хвост — один из наиболее ярких признаков грызуна (рис. 1, 1, 2). Почти лишенный волос и покрытый рогами пластинами, он служит рулем при плавании. Громко шлепая им по воде, зверь предупреждает об опасности. Набитый жиром хвост используется как подстилка, предохраняющая от холода [9, с. 7, 11, 23, 24].

Культурный характер этих скульптур в настоящее время не вызывает сомнений [6, с. 100]. Почитание бобра связано с его большим значением в хозяйстве неолитических племен, охота на него значительно легче, чем на других пушных зверей. Поселения, как известно, были расположены вблизи водных артерий, и для охотников обнаружить колонии бобров не представляло значительного труда. Такого беспомощного зверя, как бобр, застигнутого врасплох, легко можно было убить любым орудием, а также выбить целиком все бобровое семейство, состоящее нередко из двух-трех поколений. Однако такая примитивно-промысловая охота привела бы к полному истреблению бобров из-за их оседлости, малой подвижности и относительно слабой размножаемости: на самку в среднем

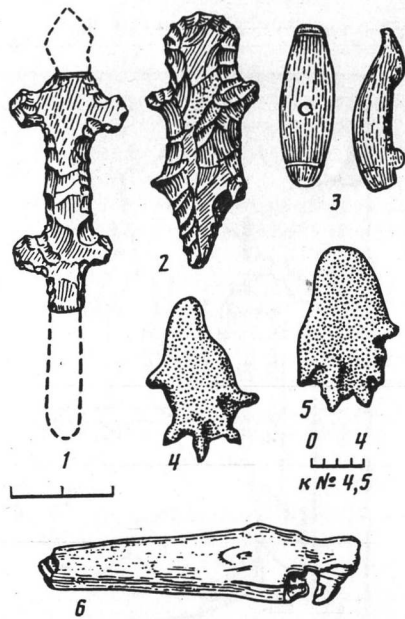

Рис. 1. Изделия из кремня и рога, изображающие бобров и глиняные перепончатые задние лапы бобров

приходится в год по два шенка. Равновесие в использовании естественного прироста промыслового зверя неизбежно нарушается, если не принимаются меры к его охране и размножению.

В обстоятельной монографии о речных бобрах Северной Азии В. Н. Скалон пришел к обоснованному заключению, что уже издавна принимались меры к охране бобра. Видимо, существовали какие-то запреты относительно сроков охоты на него, без чего эти грызуны на рассматриваемой территории были бы полностью истреблены [10, с. 105, 106].

Уже на поселениях дьяковской культуры бассейна Оки и Верхней Волги прослеживаются элементы охотничьего хозяйства, т. е. организованной, регламентированной какими-то правилами добычи бобров. Так, на Старшем Каширском городище и на городище близ Калязина, обитаемых несколько веков подряд, кости бобра в течение всего этого времени неизменно занимали первое место среди костных остатков пушных зверей. Это свидетельствует, с одной стороны, что для населения городищ бобры являлись постоянным объектом охоты, а с другой — что эта охота, несомненно, была ограничена сроками и способами лова, так как без этих мер бобры еще в самом начале существования данных поселений исчезли бы из пределов досягаемости их обитателей [10, с. 105; 11, с. 38, 104, 105; 12, с. 64]. Следует отметить, что на Старшем Каширском городище кости бобра встречены не в пищевых отбросах, а находились в землянках, что указывает на придание им особого значения. Культ бобра, вера в его сверхъестественные свойства и ведение бобрового хозяйства перешли к финно-угорским племенам последующей эпохи.

Две роговые подвески в виде плывущих бобров найдены в культурном слое поселения X в. у д. Городище на берегу Шексны, где бобровый промысел имел важнейшее значение (рис. 1, 3). За пять сезонов раскопок на этом памятнике кости бобров составили до 97% всех найденных костей диких животных. Эти подвески-амулеты, близкие стилистически и по размерам, сделаны в косторезной мастерской здесь же на поселении [13, с. 26].

К этому же времени относятся обнаруженные в Тимеревском могильнике близ Ярославля три скульптуры в виде головы бобра, которые завершают круглые роговые стержни. С предельной точностью изображена голова зверя с мощными резцами по два в каждой челюсти, составляющими одну из интереснейших особенностей грызуна. Они настолько велики, что выступают наружу, даже когда рот у бобра закрыт (рис. 1, 6) [14, с. 87, рис. 52].

С почитанием бобров связаны также амулеты-обереги из просверленных его астрагалов. Их носили среди нагрудных украшений и цельными ожерельями, а также подвешенными к поясу. Такие амулеты типичны для финно-угорских племен Прикамья и Приуралья, частой находкой они являются и в погребениях Прибалтики.

Не может быть поставлено под сомнение и культовое значение глиняных бобровых лап из курганов IX — начала XI в. в окрестностях Ярославля, Ростова, Переяславля-Залесского, Юрьева-Польского, Суздаля и Старицы (рис. 1, 4, 5). Одна лапа случайно находилась в одном из погребений Шестовицкого могильника [14, с. 87, 88; 15, с. 116; 16, с. 188—190; 17, с. 86]. Из приведенной локализации находок лап вытекает, что они являлись элементом финно-угорской культуры (рис. 2).

В археологической литературе последних лет вновь поднят вопрос об идентификации глиняных лап: что представляют они — конечности медведя или бобра [18, с. 20—28].

В начале 40-х годов Н. Н. Воронин, располагая в то время небольшим количеством находок лап, на основании этнографических данных о медвежьем культе, характерном для ряда северных народов Европы и Азии, считал эти глиняные поделки изображениями лап медведя [19, с. 49, 50]. Данная точка зрения, широко распространенная в течение многих лет, не вызывала сомнений у историков и археологов. Однако за последние 25 лет число находок лап резко возросло и они были детально обследованы А. Н. Формозовым, большим знатоком млекопитающих, и Е. Г. Андреевой, которая ряд лет работала с бобрами в Воронежском заповеднике. По таким типичным для этих грызунов признакам, как веерообразное расположение пяти сильно развитых пальцев на лапах, из которых передние напоминают детскую руку, и наличие широкой плавательной перепонки между пальцами задних лап, исследователи пришли к заключению, что эти глиняные изделия без сомнения являются изображениями конечностей бобров.

Что же касается медвежьих лап, то строение их сильно отличается от бобровых. Они массивнее и длиннее; пять пальцев, менее подвижных, чем у бобра, расположены на одном уровне, и плавательная перепонка между ними отсутствует.

Несмотря на определение зоологов, традиционная точка зрения, связывающая глиняные лапы с культом медведя только на основе этнографических данных, к сожалению, не искоренена и проявляется еще до сих пор в некоторых работах [20, с. 38, 39].

В настоящее время общее количество найденных лап равно 113. Принимая во внимание, что глиняные лапы обычно не обжигались или же подвергались слабому обжигу и находились исключительно в трупосожжениях, можно предполагать, что в могильниках действительное их число было значительно большим. Из общего числа находок 92 лапы обнаружены в Ярославских курганах, в том числе в Тимереве, в одном из наиболее хорошо сохранившихся и изученном памятнике этого времени. В 63 курганах найдены в целом и фрагментарном виде

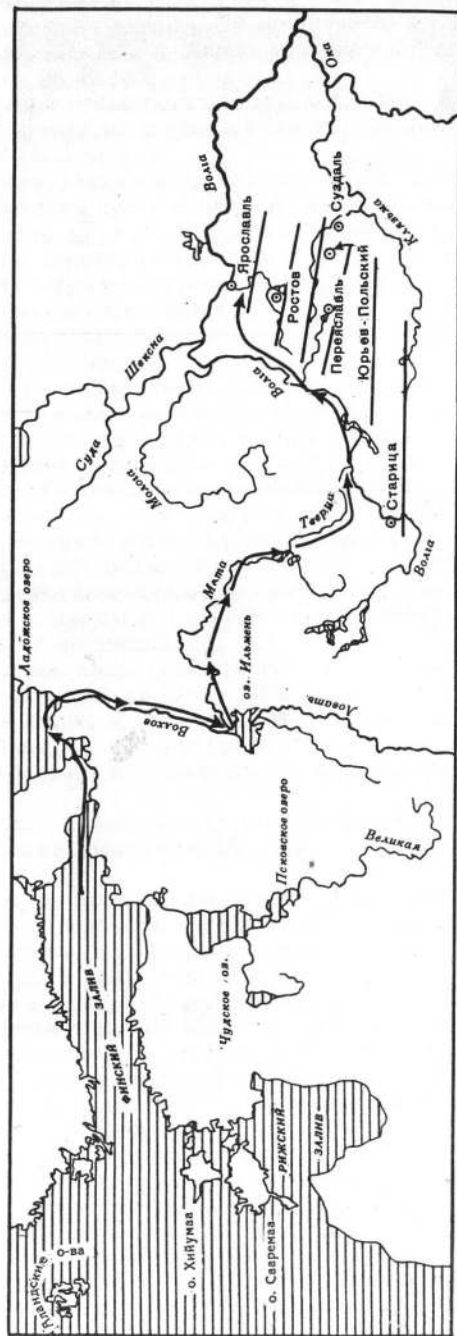

Рис. 2. Схема распространения глиняных лап на северо-востоке Руси

68 экз., что доказывает широкое распространение бобровой охоты среди местного населения.

Нахождение бобровых лап только в погребениях, где они, имея ритуальное значение, занимали особое положение, дает основание предполагать их связь с промысловым культом — особой формой почитания животных, развитым у многих племен, занятых охотничьим промыслом [21, с. 44]. Лапы, очевидно, являлись своеобразным талисманом, приносящим охотнику удачу на промысле. Их находили преимущественно в мужских захоронениях, но они встречаются и в погребениях женщин и детей, в той или иной мере связанных с охотой на бобра и обработкой шкур.

Судя по материалам ярославских могильников, действовавших около 150 лет, в течение которых погребения содержали большое число глиняных лап, а обнаруженные в них кости бобра занимали первое место среди костных остатков диких животных, можно заключить, что население, оставившее эти памятники, занималось правильно организованным бобровым хозяйством, ограниченным в интересах сохранения бобровых угодий определенными, выработанными веками сроками и способами лова. Процветание этой отрасли хозяйства было возможно лишь при условии постоянной заботы и бережного отношения к объекту промысла. На это, в частности, указывает специальная статья «Русской Правды», касающаяся штрафа за кражу бобра в размере 12 гривен, т. е. в 4 раза превышающего штраф за кражу лошади [22, с. 434].

Продукция бобрового хозяйства использовалась как для внутривладельческих нужд и пищи, так и для экспорта в страны Востока и Средиземноморья. Мех и шерсть бобра относились к числу важнейших статей международной торговли. Особенно высоко ценилась бобровая струя, содержащаяся в парных мешочках, связанных с половыми железами зверя. Обладая сильным стойким запахом и неприятным горьким вкусом, бобровая струя применялась в магических целях и как лечебное средство, помогающее от самых различных тяжелых недугов. Любопытно, что вплоть до первой половины XIX в. она сохранила значение чудодейственного лекарства.

В Кондо-Сосвинском водоразделе, по этнографическим данным, ханты и манси брали с собой на промысел порошки, полученные из высушенной бобровой струи. Они носили их в особой сумочке, куда обязательно помещали еще амулет (коготь рыси или медвежий зуб) и печень в виде сушки или сдобного калачика [10, с. 156, 157]. Это наводит на мысль, не являются ли загадочные глиняные кольца, встречаемые нередко в погребениях совместно с лапами, имитациями подобного печенья. Из 92 находок лап в ярославских курганах в 39 случаях они найдены вместе с глиняными кольцами.

Звериные глиняные лапы, полностью идентичные ярославским, известны кроме Волго-Окского междуречья еще на Аландских островах, расположенных в Балтийском море у входа в Ботнический залив. Здесь пролегал водный торговый путь из Скандинавии в Восточную Европу через Финский залив — Ладожское озеро — Волхов на Волгу и далее в страны востока; он играл большую роль в развитии русско-скандинавских отношений IX—X вв.

Известная финская исследовательница Э. Кивикоски, проводившая в Аландии обширные раскопки, нашла более чем в 10 могильниках 67 глиняных лап, еще одна обнаружена в Седерманланде — части Скандинавского полуострова, смежной с Аландским архипелагом.

Отмечая, что у наиболее хорошо сохранившихся лап четыре пальца расположены на одном уровне, а пятый стоит перпендикулярно к ним, Э. Кивикоски пришла к ложному заключению, что такая форма лап типична для Аландии и представляет собой специфический элемент местной культуры [23, с. 34, 50, 51].

Выше отмечалось, что подобной формы лапы являются одной из особенностей строения бобровых конечностей. Следует при этом принять во внимание, что Аландия никогда не входила в зону обитания речного бобра из-за отсутствия

там подходящих водоемов с прибрежными зарослями мелких лиственных пород — основного корма грызунов, а скалистые их берега непригодны для рытья земляных нор и постройки «хаток». В материковой же Финляндии, за исключением лишь ее северной части — Лапландии, бобровые поселения также не отмечаются [24, с. 37; 25, с. 285].

Итак, бобры были неизвестны населению Аландии, и связывать происхождение глиняных бобровых лап с Аландскими островами представляется необоснованным.

Мало убедительно также предположение И. В. Дубова, что глиняные лапы, которые он связывает с культом медведя, могли заменить в погребениях Аландии настоящие лапы из-за отсутствия там медведей, а в Волго-Окском междуречье — в связи с трудностями добычи этого зверя [18, с. 99].

Примечателен тот факт, что глиняные лапы обнаружены, с одной стороны, на Аландских островах в погребениях IX—X вв., с другой — в бассейне Верхней Волги в трупосожжениях того же времени. Он указывает на существование прямых контактов между населением двух областей. Это документировано в ярославских курганах и такими находками, характерными для Аландии, где в середине I тыс. н. э. сложилась фенно-скандинавская культура, как железные шейные обручи магического значения, фибулы различных типов, ланцетовидные стрелы, подкурганное каменные конструкции. Ряд погребений оставлен в ярославских кладбищах фенно-скандинавами. Они топографически не обособлены от захоронений местного населения Верхней Волги, среди которого они в рассматриваемое время жили, возможно в одних и тех же поселках. В некоторых из этих погребений предметы инвентаря и погребальная обрядность аландского происхождения сочетались с вещами, типичными для населения Ярославского Поволжья, в том числе с глиняными бобровыми лапами и кольцами. Последние в Аландии неизвестны.

Одной из причин, вызвавшей предполагаемое переселение части населения с Аландского архипелага на Северо-Восток Руси, по-видимому, явилась связь с бобровым промыслом, подобно тому как проникновение скандинавов из Средней Швеции в Аландию обусловлено было тюленьим промыслом, продукция которого, как и бобрового, высоко ценилась на международном рынке [26, с. 128, 129].

Контакты Руси с Аландией представляют значительный интерес при анализе русско-скандинавских отношений IX—X вв. Они отражают экономическую сторону этих связей.

Согласно нумизматическим данным IX—X вв., один из возможных путей следования аландских переселенцев проходил из Финского залива через Ладожское озеро по Волхову, оз. Ильмень и далее по рекам Мсте и Тверце в бассейн Верхней Волги [27, с. 106—108].

Промышляли бобров, видимо, поздней осенью, когда подрастал молодой, что подтверждается грамотой 1391 г. митрополита Киприана крестьянам Константиновского монастыря: «... на бобры им в осенне поити ...» [28, № 201]. Не исключено, что охотились и зимой в декабре — феврале, как это наблюдалось в Сибири в XVII—XVIII вв. Это было время, по мнению фармакологов, наибольшего наполнения мешочков струей [10, с. 102]. Убитого зверя охотники тотчас же замораживали, кладя брюхом вверх, чтобы не вытекала драгоценная струя.

Небезынтересно отметить в связи с предположением об использовании собак в охоте на бобров, что из 78 ярославских захоронений с нерасчлененными тушками небольших собак типа лайки в 30 находились глиняные лапы. О ловле бобров при помощи собак сохранилось письменное свидетельство, правда более позднего времени, — уставная грамота Витовта 1453 г. Вскрыв жилище бобра, охотники пускали специально натасканных для этих целей собак, которые вытаскивали зверя наружу.

По совместным находкам лап с наконечниками стрел можно судить, что в бобров, очевидно, стреляли также из лука.

В эпоху раннего феодализма бобровый промысел, судя по находкам глиняных лап, прослеживается в Волго-Окском междуречье с конца IX — начала X в., достигая значительного развития во второй половине этого столетия. В ярославских могильниках найдено 6 лап в захоронениях конца IX и первой половины X в. (Тимерево, кург. 470, 83, 351а, 390; Петровское, кург. 73; Михайловское, кург. 7 — 1897 г.), 40 лап — в курганах второй половины X в. и рубежа X—XI вв. и 46 — в погребениях, широко датируемых X в.

Значительная часть этих курганов (83%) являлась, видимо, захоронениями рядовых общинников с небогатым погребальным инвентарем, состоящим из железных поделок, отдельных бронзовых украшений, нескольких стеклянных бус, обломков глиняных сосудов и сравнительно небольшого количества жертвенных животных. Около 17% находок лап обнаружено в погребениях местной феодализирующейся знати второй половины X в. и рубежа X—XI вв., отличающихся от предыдущих погребений не только размерами кострищ, обилием и разнообразием видового состава жертвенных животных, но и характером погребального инвентаря. Фрагменты мечей, кольчуга, весы для малых взвешиваний и гири, предметы восточного и средиземноморского импорта (поясные наборы, бусы из стекла с металлической прокладкой и др.), найденные в них, подчеркивают особое экономическое положение погребенных, принадлежность их к определенной социальной группе населения; вполне допустимо, что среди них были владельцы лучших бобровых угодий. Как известно, в конце I и во II тыс. н. э. широко распространились феодальные ограничения права охоты, и богатые охотничьи угодья, в том числе и бобровые гоны, становятся собственностью князей и монастырей [29, с. 138, 139].

В заключение отметим, что бобровое хозяйство благодаря своей доходности, вместе с тем несложное в эксплуатации, играло заметную роль в жизни населения Волго-Окского междуречья. Эта отрасль хозяйства получила дальнейшее развитие и в последующие эпохи. В XIV—XV вв. на Клязьме и ее притоках насчитывалось до 25 населенных пунктов, основным занятием жителей которых являлся бобровый промысел [10, с. 116].

ЛИТЕРАТУРА

1. Цветкова И. К. Неолитические жилища на стоянке Володары // СА. 1958. Т. 1. Вып. 2.
2. Цветкова И. К. Скульптура лося с неолитической стоянки Володары // SIA. 1961. R. XII. С. 2.
3. Андреева Е. Г. Фауна древней стоянки Черная Гора // Бюл. МОИП. 1974. Т. 29.
4. Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1974 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 5992.
5. Крайнов Д. А. Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. 1982. Вып. 169.
6. Замятин С. И. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. 1948. Т. X.
7. Крайнов Д. А. Кремневые и костяные скульптуры со стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
8. Archeologija un Etnografija. Riga, 1970.
9. Федюшин А. В. Речной бобр, его история, жизнь и опыты по размножению. М., 1935.
10. Скалон В. Н. Речные бобры Северной Азии. М.: Л., 1951.
11. Городцов В. А. Старшее Каширское городище // Изв. ГАИМК. 1934. Вып. 85.
12. Третьяков П. Н. Древнейшие городища Верхнего Поволжья // СА. 1947. Т. IX.
13. Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. 1979. Вып. E1-59.
14. Фехнер М. В. Предметы языческого культа // Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.
15. Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь, 1903.
16. Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.
17. Блафельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ: Наук. думка, 1977.
18. Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
19. Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Краеведческие записки. Вып. IV. Ярославль, 1960.